

Къ вопросу объ оживленіи приходской жизни ¹⁾.

Вопреки г. Папкову и его сторонникамъ, о. Рождественскій справедливо видитъ и теперь возможность для прихожанъ, при желаніи и усердіи, принимать участіе въ жизни прихода. Но дѣло въ томъ, что этого желанія и усердія у нихъ почти не замѣчается... А въ такомъ случаѣ, какое основаніе надѣяться, что, получивъ большія права въ приходскихъ дѣлахъ, прихожане пожелаютъ воспользоваться этими правами и проявятъ болѣе активное участіе въ жизни прихода? Можно ли ожидать, что тогда, напр., прихожане позаботятся о духовно-нравственномъ просвѣщеніи менѣе развитыхъ членовъ своего прихода, объ улучшеніи матеріальнаго положенія бѣднѣйшихъ его членовъ и о другихъ нуждахъ и задачахъ приходской жизни?—Все это крайне сомнительно при нынѣшнемъ всеобщемъ погруженіи лишь въ свои личныя дѣла и ослабленіи интереса почти ко всему, что лежитъ за предѣлами личнаго матеріальнаго благополучія. Другое дѣло, если, наряду съ внѣшнею возможностью развитъ свою дѣятельность въ жизни прихода, прихожане имѣютъ въ себѣ истинно-христіанское настроеніе, которое только и можетъ возбудить въ нихъ желаніе и усердіе къ благотворной дѣятельности на пользу своего прихода.

Но именно это-то христіанское настроеніе слишкомъ понизилось въ наше время. Не будемъ рисовать мрачной картины упадка религиозно-нравственной жизни современнаго христіанскаго общества: картина довольно извѣстная,—и изъ нея нельзя не убѣдиться, что оживленія приходской жизни, поскольку оно должно исходить отъ прихожанъ, можно ожив-

¹⁾ По поводу статьи свящ. А. Рождественскаго „Улучшеніе положенія пастыря, какъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ оживленію приходской жизни“. *Бог. Вѣстникъ*, Ноябрь—Дек. 1908 г.

дать лишь послѣ оживленія въ самихъ членахъ прихода истинно-христіанскаго сознанія и настроенія.

Но религіозно-нравственное просвѣщеніе прихожанъ — долгъ приходскаго пастыря, который, по справедливому разсужденію о. Рождественскаго, — „главный жизненный нервъ“ прихода. Поэтому, оживленія приходской жизни о. Рождественскій вмѣстѣ съ г. Бердниковымъ справедливо ожидаетъ отъ „пробужденія надлежащей ревности въ пастыряхъ церкви“ (с. 364). Вѣдь такъ мало встрѣчается теперь ревностныхъ въ своемъ пастырскомъ служеніи пастырей, которые просвѣщали бы свою паству не только словомъ, но и дѣломъ, и жизнью: что же удивительнаго, что паства, не видя примѣра въ своемъ пастырѣ, блуждаетъ по стогнамъ міра сего, направляемая своими страстями и похотями? И можетъ ли быть тутъ рѣчь о нормальномъ строѣ приходской жизни?

Но нельзя согласиться со взглядомъ о. Рождественскаго на средство къ пробужденію пастырской ревности, — средство, которое онъ полагаетъ въ улучшеніи положенія приходскихъ пастырей. Ревность пастыря поддерживается неуклоннымъ сознаніемъ своего пастырскаго долга: средство же къ возбужденію этой ревности, рекомендуемое о. Рождественскимъ, — чисто внѣшняго характера. Изображаемая имъ невзгоды пастырскаго служенія могутъ ослабить ревность не слишкомъ стойкаго въ сознаніи своего пастырскаго долга пастыря; но устраненіе этихъ невзгодъ не возбудитъ пастырской ревности въ пастырѣ, доселѣ чуждомъ ея.

Представимъ себѣ, напр., что духовенство будетъ избавлено отъ необходимости содержать себя чрезъ сборы отъ прихожанъ, что оно будетъ получать достаточное казенное жалованье. Какое основаніе надѣяться, что прежде равнодушный къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ пастырь тогда поревнуетъ о томъ, чтобы въ своей жизни и дѣятельности приблизиться къ идеалу истиннаго пастыря? Развѣ лучше пастыри въ тѣхъ приходахъ, гдѣ теперь духовенству положено казенное жалованье? Самыя эти невзгоды пастырскаго служенія, о которыхъ говоритъ о. Рождественскій, могутъ угнетать и ослаблять энергію развѣ малоревностныхъ въ своемъ пастырскомъ служеніи пастырей; для пастыря же, исполненнаго пастырской ревности, онѣ должны потерять

свою остроту, потому что ревностный пастырь всецѣло погруженъ въ исполненіе своего пастырскаго долга, не взирая на встрѣчающіяся ему на пути препятствія и менѣе всего думая о своихъ личныхъ невзгодахъ.

Исторія христіанской церкви, начиная съ церкви первоапостольской, говоритъ, что таковы, именно, были истинные пастыри церкви Христовой: горя ревностію къ своему служенію на нивѣ Христовой, они никакими препятствіями, противодѣйствіями и неблагопріятными обстоятельствами не могли быть отвлечены отъ этого служенія.—Наконецъ, можно надѣяться, что неблагопріятныя вѣшнія условія служенія приходскихъ пастырей для тѣхъ изъ нихъ, которые являются истинными пастырями Христова стада, во многихъ случаяхъ должны измѣниться къ лучшему въ силу того уваженія, которое они должны внушить къ себѣ какъ въ прихожанахъ, такъ и въ начальникахъ, въ сослуживцахъ и во всѣхъ классахъ общества. Такъ, наболѣвшій вопросъ о содержаніи духовенства чрезъ добротныя приношенія прихожанъ—при нормальномъ христіанскомъ строѣ приходской жизни, намъ кажется, долженъ потерять свою остроту. Разъ приходъ представляетъ изъ себя ревностнаго пастыря, истинно пасущаго свое словесное стадо, и словесныхъ овецъ, слушающихъ голоса своего пастыря, то и эти овцы—прихожане съ полною готовностію, конечно, будутъ содержать своего досточтимаго пастыря, и пастырю не можетъ претить этотъ искони существующій и имѣющій даже основаніе въ Св. Писаніи обычай „питанія отъ алтаря“. Но, конечно, представляется стѣснительнымъ и для пастыря—получать,—и для прихожанъ—выдавать это содержаніе своему пастырю отдѣльными дачами при совершеніи таинствъ и требъ, при чемъ получается еще нежелательное впечатлѣніе, будто таинства и требы совершаются за плату. Цѣлесообразнѣе, поэтому, чтобы прихожане, опредѣливъ достаточное содержаніе пастырю и и другимъ членамъ причта своего прихода, и собравъ между собою по разверсткѣ, сообразно недостаткамъ каждаго изъ нихъ, потребную для того сумму, выдавали это содержаніе своему пастырю и членамъ причта или разъ за цѣлый годъ, или помѣсячно (вѣдь собираются же разъ за цѣлый годъ такъ называемыя „кажденныя“).

Вышесказаннымъ мы старались показать, что рекомендуе-

мое о. Рождественскимъ средство къ усиленію ревности приходскихъ пастырей не можетъ достигнуть своей цѣли, какъ чисто внѣшнее; оно не затрогиваетъ того жизненнаго нерва, который питаетъ ревность пастыря и дѣлаетъ его истиннымъ пастыремъ своего словеснаго стада. Въ чемъ же этотъ жизненный нервъ пастырства, питающій ревность пастыря?

Вспомнимъ общеизвѣстную истину, что усердно и плодотворно трудиться на какомъ-либо поприщѣ дѣятельности можно только тогда, когда чувствуешь влеченіе къ этого рода дѣятельности. Тѣмъ болѣе это должно сказать о дѣятельности приходскаго пастыря.—Повторимъ вкратцѣ, пользуясь словами о. Рождественскаго, въ чемъ состоитъ служеніе пастыря: „онъ для пасомыхъ—раздаятель даровъ благодати, молитвенникъ, просвѣтитель, благотворитель, руководитель, совѣтникъ, вообще—душа и двигатель прихода по пути къ его духовному совершенствованію. Сфера его дѣятельности обширна: на немъ лежитъ долгъ примѣнять всѣ мѣры полезныя и потребныя для блага пасомыхъ, быть всегда впереди стада и стоять во главѣ каждаго духовнаго его дѣла. Въ свою очередь, пасомые находятся на полномъ попеченіи пастыря: всѣ они отъ пастыря исправляютъ свои духовныя потребности; чрезъ его посредство получаютъ дары благодати, освященіе душъ и тѣль, чрезъ него принимаютъ наставленіе, отъ него ждутъ помощи и содѣйствія въ нуждѣ, совѣта и руководительства, гласть его слушаютъ, его призыву слѣдуютъ, во всѣхъ его трудахъ и начинаніяхъ оказываютъ ему посильное содѣйствіе (с. 366)“.—Отсюда видно, что задачи пастырскаго служенія столь разносторонни и обширны, что пастырь долженъ всецѣло посвятить себя благу своихъ пасомыхъ и почти отказаться, значить, отъ своей личной жизни. Въ силу такого своего свойства пастырское служеніе—это подвигъ,—и подъять на себя этотъ подвигъ можетъ только тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ призваніе къ нему. Это призваніе къ пастырству служить выраженіемъ призывающей благодати Св. Духа. Но „Духъ идѣже хочетъ жить“; поэтому долгое время въ Церкви путь къ пастырству былъ открытъ каждому, чувствующему призваніе къ пастырскому служенію безъ различія званія и состоянія.—Съ этимъ совершенно не согласуется существующій порядокъ, ограни-

чивающій возможность пастырства почти исключительно для лицъ одного замкнутого сословія. Результатъ этого порядка тотъ, что пастырями слишкомъ часто дѣлаются люди безъ призванія къ пастырскому служенію, руководящіеся при принятіи пастырскаго сана совершенно сторонними соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что одни принимаютъ священный санъ, руководясь матеріальными расчетами, другіе — по семейнымъ традиціямъ, третьи вслѣдствіе того, что, какъ говорятъ, „дѣваться некуда“. Естественно, что нѣкоторые изъ подобныхъ пастырей болѣе заботятся о своемъ матеріальномъ благополучіи, чѣмъ объ осуществленіи задачъ пастырскаго служенія, и потому, при случаѣ, стараются о переходѣ въ лучшіе приходы; нѣкоторые равнодушно относятся къ своему пастырству, а иные даже тяготятся имъ. Въ лучшемъ случаѣ пастырство такихъ пастырей проявляется въ неукоснительномъ совершеніи богослуженій и требъ; но это лишь одна сторона дѣятельности пастыря, которая, притомъ, если не озарена духомъ истиннаго пастырства, принимаетъ механической характеръ.

Говоря о необходимости для благотворной пастырской дѣятельности призванія къ пастырству, конечно, надо имѣть въ виду, что при констатированіи этого призванія возможно заблужденіе, самообольщеніе; но это только говоритъ о томъ, что въ такомъ случаѣ должно быть строгое испытаніе чувствующаго призваніе. Скажутъ: помимо призванія, желающій быть пастыремъ долженъ имѣть соотвѣтствующее богословское образованіе, чтобы быть учителемъ своихъ пасомыхъ, готовымъ дать отвѣтъ „всякому вопрошающему о нашемъ упованіи“. Конечно; но если одно богословское образованіе не создаетъ расположенія къ пастырству, то чувствующій призваніе къ пастырскому служенію, безъ сомнѣнія, постарается подготовить себя къ нему и со стороны богословской науки и потому можетъ и, понятно, долженъ быть привлеченъ къ экзамену по богословію.

Итакъ, призваніе къ пастырскому служенію, какъ условіе его благотворности, исключаетъ его кастовую сословность. Но оно же исключаетъ и обязательность другого непремѣннаго теперь условія для занимающихъ мѣсто приходскихъ пастырей—вступленія въ бракъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда чувствующій призваніе къ пастырскому служенію вовсе не

расположенъ вступать въ бракъ, въ которомъ видитъ даже помѣху для осуществленія своего призванія. Конечно, истинный пастырь и состоя въ бракъ постарается совмѣстить, насколько возможно, семейныя обязанности со своимъ пастырствомъ такъ, чтобы эти обязанности не наносили ущерба его пастырскому служенію. Но возможно, что бракъ и связанная съ нимъ семейныя заботы внесутъ раздвоеніе въ дѣятельность пастыря и именно въ ущербъ его пастырскимъ обязанностямъ. Въ Св. Писаніи прямо сказано, что женатый заботится о женѣ, а неженатый о томъ, какъ угодить Богу. Поэтому, если желающій посвятить себя пастырскому служенію видитъ въ бракъ помѣху для этого своего служенія, то разумно-ли въ такомъ случаѣ настаивать на необходимости брака?

Въ обязанности брака для молодого пастыря, въ сущности, сказывается забота объ его нравственной чистотѣ и боязнь предъ возможностью его нравственнаго паденія въ пастырствѣ; поэтому отъ обязательнаго брака освобождаются посвящаемые въ пастыри по достиженіи сорокалѣтняго возраста. Но, во-первыхъ, обязательный предварительный бракъ вовсе не предохраняетъ будущаго пастыря, если онъ будетъ пастыремъ только по имени, отъ предполагаемыхъ нравственныхъ паденій, что иногда и случается. Съ другой стороны, и сорокалѣтній возрастъ не гарантируетъ большей нравственной стойкости пастыря, что опять-таки всѣмъ известно. Но назначеніе сорокалѣтняго возраста для лицъ, ищущихъ пастырства и не желающихъ вступать въ бракъ, имѣетъ положительно невыгодную сторону въ томъ отношеніи, что этотъ возрастъ нерѣдко является уже началомъ упадка духовной энергіи человѣка, столь необходимой для пастыря церкви.—Во-вторыхъ, неумѣстна навязчивая забота о нравственности того, кто самъ принимаетъ на себя заботу о нравственномъ преуспѣяніи другихъ. Во всякомъ случаѣ, цѣлесообразнѣе строго взыскать съ пастыря, нарушившаго принятый имъ на себя обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, чѣмъ ставить бракъ необходимымъ условіемъ пастырства, разъ готовящійся къ пастырскому служенію не чувствуетъ никакого влеченія къ брачной жизни.—Итакъ, пусть бракъ рекомендуется желающимъ быть пастырями, но могій вмѣстить безбрачіе пусть не принуждается къ браку.

Нѣтъ сомнѣнія, что пастырь, подъявшій на себя пастырское служеніе по призванію къ нему и несвязанный неизбѣжными при бракѣ семейными заботами, будетъ энергичнымъ дѣятелемъ на нивѣ Христовой, будетъ истиннымъ пастыремъ своей приходской паствы. А такой пастырь, конечно, создастъ себѣ и вѣрную паству, слушающую гласа его,—и тогда пастырь со своею паствою осуществляютъ всѣ многоразличныя задачи приходской жизни, которая тогда процвѣтетъ „яко кривъ сельній“.

И.

Послѣсловіе Редакціи. Мы очень благодарны автору настоящей замѣтки, не потому, чтобы были съ ней согласны, но потому, что видимъ въ ней желанный откликъ на нашъ призывъ, помѣщенный въ примѣчаніи къ статьѣ о Рождественскаго (*Бог. Вѣстн.* 1908 г. Декабрь, 600 стр.). Дѣйствительно, вопросъ о пастырѣ и паствѣ и, вообще, объ оживленіи прихода настолько серьезенъ и жизненно важенъ, что чѣмъ больше его со всѣхъ сторонъ разсматриваютъ и выясняютъ, тѣмъ лучше для интересовъ самого дѣла, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе можемъ придти къ какому либо удовлетворяющему всѣхъ рѣшенію. Но привѣтствуя статьи о Рождественскаго и г. И. съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ скрыть своего принципиальнаго несогласія съ ними и позволимъ себѣ возразить имъ по существу.

Оба названныхъ автора по затронутому ими вопросу о приходѣ выступаютъ сторонниками проф. Бердникова, ожидающаго спасенія прихода только *отъ пастыря*, и являются противниками г. Палкова, ратующаго также и за активныя права *мірянъ* въ этомъ большемъ и важномъ дѣлѣ всей церкви. Нетрудно видѣть, что здѣсь мы въ сущности имѣемъ дѣло съ однимъ очень старымъ и до сихъ поръ нерѣшеннымъ споромъ: хорошіе-ли люди создаютъ лучшіе порядки, лучшіе-ли порядки воспитываютъ хорошихъ людей? Самая постановка такой альтернативы, въ концѣ концовъ, безнадежна и не даетъ никакого категорическаго отвѣта: безспорно, что идеальные дѣятели могутъ создать хорошіе порядки, но не менѣе безспорно, что и образцовые порядки могутъ воспитать очень хорошихъ дѣятелей. Выборъ отсюда тотъ, что такъ разсуждать нельзя и подобной альтернативы ставить не слѣдуетъ.

Во всѣхъ разсужденіяхъ о преобразованіи или реформѣ чего-бы то ни было мы должны отпираться не отъ этихъ бесплодныхъ идейныхъ споровъ и теоретическихъ предпосылокъ, а отъ наличныхъ фактовъ дѣйствительной жизни. Разъ сама жизнь выдвинула вопросъ о реформѣ чего-либо, напимѣръ: о реформѣ прихода, какъ въ данномъ конкретномъ случаѣ, то само собою ясно, что наличный строй приходской жизни не удовлетворителенъ, и лица, заправляющія сейчасъ его судьбами, не отвѣчаютъ своему назначенію. Не менѣе ясно также и то, что спасенія или возрожденія прихода гораздо естественнѣе ожидать не отъ *прежнихъ его дѣятелей*, а отъ *новыхъ порядковъ*. Видѣть все спасеніе отъ царящихъ въ жизни неурядицъ и золь только въ доброй волѣ отдѣльныхъ личностей и не признавать общественно-воспитывающаго вліянія порядковъ, это значитъ отрицать, напр. необходимость отмѣны крѣпостнаго права (довольно было-бы улучшить помѣщиковъ), значитъ закрывать глаза предъ свѣтомъ гласности и силой общественнаго мнѣнія. Пусть-де всякіе взяточники и самодуры исправляются сами, (какъ наивно думалъ даже Гоголь въ своемъ „Театральномъ развѣздѣ“), а не надо ихъ ставить въ такія условія, въ которыхъ они лишены были бы самой возможности насильничать и грабить.

Всѣ подобныя антиобщественныя проекты, даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. при полной ихъ искренности, грѣшатъ непростительно-наивной утопіей. Они или мечтаютъ о какомъ-то чудесномъ превращеніи людей (не хуже Овидіевыхъ „Метаморфозъ“), или ищутъ чуть-ли не „сверхчеловѣковъ“, необыкновенно честныхъ, благородныхъ, самоотверженныхъ дѣятелей, исполненныхъ къ тому-же кипучей энергіей и жаждой подвига. Конечно, для подобныхъ натуръ не нужны никакія преграды и плотины, въ видѣ извнѣ навязанныхъ имъ порядковъ. Но вся бѣда въ томъ, много-ли у насъ такихъ людей и гдѣ ихъ искать? Да развѣ при обсужденіи столь общей и широкой реформы, какъ реформа прихода, мы имѣемъ право опираться на такія, слишкомъ рѣдкія исключенія? Разумѣется, для такого пастыря, какъ покойный о. Іоаннъ Кронштадскій не нужны были никакіе направляющіе и оживляющіе его дѣятельность порядки: она и безъ того была ключемъ и оживляла все, что приходило съ ней въ сопри-

косновеніе. Но много ли у насъ подобныхъ пастырей? Не огромное-ли большинство простыхъ рядовыхъ батюшекъ, отъ которыхъ мы не можемъ ожидать ничего такого, да и не въ правѣ даже предъявлять къ нимъ столь повышенныхъ, исключительныхъ требованій? А такъ какъ у насъ рѣчь идетъ, разумѣется, не объ единичныхъ исключеніяхъ, а объ общемъ рядовомъ уровнѣ пастырско-приходской жизни, то мы и полагаемъ, что для пастырей этого средняго типа не только не вредно, но, наоборотъ, во всѣхъ отношеніяхъ крайне полезно, если ихъ дѣятельность будетъ поставлена въ новыя, улучшенныя условія—въ условія болѣе живого и искренняго взаимообщенія съ паствою и ея болѣе активнаго участія въ дѣлахъ церковно-приходской жизни. Нельзя также забывать и того, что каждый приходъ есть малая „церковь“; а церковь Христова есть живой организмъ, въ жизнедѣятельности котораго должны принимать участіе всѣ члены. „Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ“ (Гал. VI, 2).
